

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А. О. Чубарьян

За прошедшие со времени победы Великой Октябрьской социалистической революции 50 лет вопросы истории Октября являлись предметом острой идеологической и политической борьбы на мировой арене.

Отношение к истории Октябрьской революции служит тем оселком, той лакмусовой бумажкой, по которым мы судим о политических настроениях и воззрениях людей; это отношение определяет размежевание сил прогресса и реакции. Вряд ли можно назвать в современном капиталистическом мире деятелей самого различного масштаба, начиная от политических и государственных руководителей, кончая журналистами, дипломатами, профессиональными историками, экономистами, писателями, которые в той или иной мере не высказали своего отношения, своих оценок Октябрьской революции. Люди самых различных политических взглядов и направлений писали и пишут об Октябрьской революции, ее предпосылках, характере и значении.

В задачу данной работы не входит анализ и разбор всей зарубежной литературы об Октябрьской революции, потому что она неисчерпаема. Мы остановимся на основных линиях, основных направлениях в развитии буржуазной историографии Великого Октября, определим общие тенденции, обратив преимущественное внимание на то, какие сдвиги происходят в буржуазной историографии и происходят ли они вообще. Нужно сказать, что у нас уже сложилась историография буржуазной историографии Октябрьской революции. В прошлом, в 20-е, 30-е, 40-е годы, мы почти не занимались буржуазной историографией Октябрьской революции: во-первых, в буржуазной литературе того периода преобладали работы, как правило, чисто пропагандистского характера, практически выходящие вообще за пределы какого-то научного анализа; во-вторых, авторский состав по преимуществу включал эмигрантов, то есть людей, которые, помимо своего классового отношения к историческим событиям, приносили элемент личной враждебности к великим событиям октября 1917 года. Все это делало работы буржуазных авторов крайне примитивными. Следует вместе с тем отметить некоторую односторонность подхода советских историков к буржуазной историографии того времени: они мало искали различия в подходе буржуазных историков к оценке Октябрьской революции, а больше подчеркивали то, что их солижало, объединяло.

Примерно с середины 50-х годов в нашей историографии началось интенсивное изучение буржуазной литературы по истории Великой Октябрьской социалистической революции, и сейчас уже сложился значительный отряд советских ученых, которые ведут исследования в этом направлении. В этой связи нельзя не назвать работу «Зарубежная литература об Октябрьской революции» под редакцией академика И. И. Минца, вышедшую в 1961 г.; работы В. И. Салова, Б. И. Марушкина, Н. Н. Яковлева, В. К. Фураева, Б. Е. Штейна, С. Ю. Выгодского, А. Е. Иоффе, В. С. Васюкова, А. Е. Куниной и других. Начав изучение буржуазной историографии по этой тематике с выявления литературы, исследователи пошли затем вглубь и вширь, включая в качестве объектов изучения зарубежные центры по «советологии», прессу, подробно анализируя отдельные книги и сборники статей. Общеизвестно, что за последние десять лет в капиталистических странах, особенно в США и в ФРГ, создана огромная сеть научных учреждений и журналов, которые ведут работу в области истории Советского Союза и Октябрьской революции. Существенно изменился контингент буржуазных исследователей, занимающихся историей Октября. В большинстве это не эмигранты, а, так сказать, чистые американцы, немцы и т. д. Это люди среднего поколения и молодежь, выходцы из университетов, владеющие русским языком, динамичные, часто достаточно гибкие и умелые, которые внесли уже соответствующие изменения в разработку истории Октябрьской революции. Сразу же заметим, что в целом, однако, общая направленность буржуазной историографии остается неизменной; она демонстрирует в этом отношении поразительное однообразие общих выводов, общих оценок. Но в методах, в аргументации, в разработ-

ке отдельных проблем налицо совершенно определенные и отчетливые сдвиги.

Прodelав за последние годы большую работу по изучению буржуазной историографии, вместе с тем мы до сих пор еще допускаем иногда односторонность в подходе к буржуазным авторам. Подчас мы судим о тех или иных буржуазных историках на основании отдельных их высказываний, даем принципиальные оценки — хороша или плоха, правильна или неправильна точка зрения данного автора, не учитывая, во-первых, изменения обстановки, а во-вторых, других его работ, всей совокупности взглядов данного автора. Приведем пример. В 20-х годах ведущим в буржуазной историографии было стремление принизить роль В. И. Ленина в свершении Октябрьской революции. Сейчас нет почти ни одного буржуазного автора, даже самого реакционного толка, который решился бы отрицать великую роль вождя революции в преобразованиях, происшедших в России в результате Октябрьской революции 1917 года. Сейчас в буржуазной литературе спор идет о том, был ли В. И. Ленин «великим прагматиком», как утверждает ряд авторов, или же великим теоретиком современности. Но то, что В. И. Ленин внес величайший вклад в развитие современной истории, признается почти всеми авторами. И вот мы берем эти отдельные высказывания, в которых дается положительная оценка роли В. И. Ленина в революции, и часто на основании этих отдельных высказываний даем положительную оценку работе того или иного буржуазного автора, тогда как сегодня эти высказывания еще не говорят ни о его концепции, ни о его общей позиции. Задача состоит в том, чтобы изучать концепции буржуазных авторов в целом, перейти от рассмотрения отдельных их трудов к анализу всей их совокупности, чтобы представить общую линию, общую направленность буржуазной историографии.

Какие же основные вопросы истории Великой Октябрьской революции стоят сегодня в центре внимания буржуазной историографии и по каким из этих вопросов можно обнаружить изменения и сдвиги? Первая ключевая проблема — причины революции. Раньше, в 20—30-х годах, ведущая линия буржуазной историографии состояла в следующем: Октябрьская революция — это бунт большевиков; она рассматривалась как революция меньшинства, когда будто бы умелая и ловкая кучка заговорщиков захватила власть при равнодушии и апатии всего населения России. Такую точку зрения высказывали Д. Френсис, Д. Бьюкенен, П. Миллоков, Л. Фишер, У. Чемберлин¹. В настоящее время при сохранении общей позиции авторов наблюдается некоторое углубление проблемы. Тот же Чемберлин в статье, опубликованной в 1967 г., пишет: «Недзя сказать, что каждый шаг от традиционного господства Николая II к революционной диктатуре Ленина был фатально неизбежным. Если бы во главе Временного правительства был человек, который понял бы политическую необходимость прекращения войны и предоставления крестьянам земли, насилие было бы устранено или сведено к умеренному. Если бы личные отношения между Керенским и Корниловым были бы улажены. Если бы... Список этих «если» может быть бесконечен»². Американец Д. Кертисс пишет: «Была возможность спасти дело, приняв программу генерала Верховского, но с ним быстро разделались, и приспособленческая политика продолжалась». И далее автор замечает: «Наиболее характерным признаком всего революционного периода были ошибки, совершенные силами, стоящими у власти». «Ленинский гений состоял в использовании ошибок других и затем в избежании подобных

¹ См. D. Francis. Russia from the American Embassy. N. Y. 1921; Д. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М., б. г.; L. Fisher. The Soviets in World Affairs. L. 1930; W. H. Chamberlin. The Russian Revolution. 1917—1921. N. Y. 1935.

² «The Russian Review», 1967, № 1, p. 12.

ошибок, когда он и его партия стали у власти»³. Как видим, рассмотрение буржуазными авторами проблемы ошибок, допущенных Временным правительством и явившихся якобы решающей причиной Октябрьской революции, занимает сегодня значительное место в буржуазной литературе. Выводы авторов далеки от истины, но политический смысл их ясен: это попытка проанализировать те причины, которые привели к революции, и таким образом «помочь» странам третьего мира сегодня избежать подобных ошибок, навязать им такую концепцию, такую линию, которая позволила бы им «преодолеть» социалистическую революцию.

В работах буржуазных историков в прошлом много говорилось об анархии, стихии, об отсутствии порядка в России и подчеркивалось, что это помогло большевикам захватить власть в октябре 1917 года. Но постепенно эти историки начали говорить об отсутствии в России буржуазно-демократических традиций, о крахе русского либерализма. И сейчас книжный рынок на Западе буквально наводнен литературой по истории русского либерализма (под этим понятием совершенно неправомерно объединяются такие разнородные явления, как народничество, западничество, славянофильство и др.). Буржуазные историки утверждают ныне, что отсутствие буржуазно-демократических традиций в России явилось той предпосылкой, которая обусловила победу Октябрьской революции. Немецкий историк Гитерман пишет, что «слабость русской буржуазии сделала возможным русский эксперимент»⁴. Упомянувшийся нами выше американец Чемберлин писал в 1935 г.: «Либеральные силы русского общества были настолько слабы, что не смогли заполнить образовавшийся вакуум». В 1967 г. в своей статье «Первая русская революция» он пишет следующее: «Крах самодержавия открывал для России два пути: первый — работать над социальными и экономическими проблемами средствами свободных институтов и компромиссов, и другой — разрубить gordian узел этих проблем методами революционной диктатуры, ведущими к тоталитаризму»⁵. В специальной статье — «Короткая жизнь русского либерализма» Чемберлин пишет, что русский либерализм родился под несчастливой звездой: истинный либерализм может полностью функционировать только при либеральных институтах и свободах, чего не было в России. Не было в России среднего класса — опоры либерализма. Наконец, русский темперамент, который отвергает такие либеральные черты, как готовность к компромиссу, поиски разных сторон вопроса и т. д., тоже сыграл, по мнению Чемберлина, немаловажную роль в подготовке революции в России. Чемберлин заключает: «История русского либерализма могла бы быть иной и более позитивной, если бы переход от автократии к конституционной монархии или республике был бы более мирным, если бы первая мировая война могла бы запоздать на одно или два десятилетия, когда материальный прогресс и особенно политика Столыпина по созданию нового класса сильных фермеров могла создать общество менее чувствительное к экстремистской пропаганде»⁶. В последние годы на Западе публикуется большое число работ о Бакунине и Нечаеве, о Ткачеве и Лаврове, о народолюбцах, о Герцене и т. д. Это явление отражает стремление найти корни нашей революции в XIX в., вывести из истории России XIX и начала XX в. истоки краха либерализма и только этим объяснить возможность победы партии большевиков в октябре 1917 года. Не случайно ряд буржуазных историков, пишущих на современные темы, переключается на изучение истории русской общественной мысли.

³ D. Curtiss. The Russian Revolutions of 1917. N. Y. 1957, pp. 104, 105.

⁴ V. Gittermann. Geschichte. Russlands. Bd. I. Zürich. 1929, S. 15.

⁵ W. H. Chamberlin. The Russian Revolution, p. 452; «The Russian Review», 1967, № 1, p. 12.

⁶ «The Russian Review», 1967, № 2, pp. 144, 152.

В буржуазной историографии наблюдаются также сдвиги и в изучении экономических предпосылок Октябрьской революции. В прошлом буржуазные историки почти полностью игнорировали этот вопрос. Сейчас же, в период усиленного внимания буржуазной науки к проблемам экономики («теория стадий экономического роста» У. Ростоу и др.), увеличился и интерес к экономическим предпосылкам Октябрьской революции; просто отмахнуться от проблем экономического развития России стало невозможно. Многие авторы признают сегодня неизбежность экономических реформ и модернизации хозяйства России. Но, по мнению этих историков, вся беда состояла в том, что в России не было буржуазно-демократических традиций, а поэтому и экономическое переустройство оказалось совершенным лишь на путях социалистической революции. Английский историк Э. Карр пишет: «Экономически программа большевиков означала создание социалистической экономики в стране, которая никогда не обладала большой технической базой и не обучала рабочих совершенствовать капиталистический порядок»⁷. В журнале «Survey» появилась статья американского историка Улама, в которой он пишет следующее: «Трудно отрицать тезис, что вследствие роста страны (ресурсы и прочее) в течение нескольких десятилетий до 1914 г. для России возможно было достигнуть положения, которое она занимает сейчас как одна из двух сверхдержав»⁸. По мнению Улама, все дело состоит в том, что первая мировая война прервала процесс модернизации и индустриализации, который накануне ее начался в России. Не будь войны, Россия пошла бы по пути экономического прогресса и без социалистической революции. Здесь налицо явная попытка зачеркнуть великое значение Октябрьской социалистической революции, ее решающий вклад в экономическое развитие нашей страны. Улам и другие стремятся провести идею, что Россия якобы была готова к экономической модернизации, шла к ней усилиями капиталистических элементов страны и поэтому, мол, Октябрьская революция не внесла здесь ничего нового. И тут очевидно общее стремление отрицать роль революции в экономических судьбах России и тем самым показать странам Азии и Африки, что революция не пуща, что можно избежать ее, если не совершать тех ошибок, которые были совершены правителями старой России.

В связи с этим в буржуазной литературе активно разрабатывается проблема соотношения войны и революции. Прежде, в 20—30-е годы, все сводилось к описаниям ужасов и лишений, которые сопутствовали войне и революции. Сейчас довольно большое количество работ на Западе посвящено этой проблеме. Суть их состоит в том, что война якобы породила революцию, явилась единственным фактором, который вызвал революцию. Отсюда выводится и общий закон, что социалистическая революция порождается войной. Известно, что В. И. Ленин писал о войне как ускорителе революционного процесса, но было бы нарушением исторической правды говорить о войне как единственной причине революции. Можно было бы сформулировать в таком виде основные положения буржуазных историков: 1. Война задержала экономическую модернизацию; 2. Война прервала рост либерализма; 3. Война парализовала инициативу масс. Таков, по их мнению, весь комплекс причин, которые вызвали к жизни Октябрьскую революцию. Тот же Улам пишет: «Коммунизм родился из одной войны и обязан своим распространением в других странах другой войне»⁹. Как видим, отрицание коренных, объективных экономических и политических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции и сведение причин ее к войне составляют целостную концепцию.

⁷ Е. Н. Carr. The Bolshevik Revolution. Vol. I. L. 1950, pp. 100—101.

⁸ «Survey», 1967, № 64, p. 12.

⁹ Ibid.

Что касается вопроса о роли масс в революции, то здесь буржуазные историки демонстрируют поразительное однообразие своих взглядов и построений, продолжая развивать все ту же несостоятельную точку зрения, что массы не играли никакой роли в революции, что они были аполитичными, равнодушными и не оказали никакого влияния на ее развитие.

В последнее время буржуазная литература проявляет усиленный интерес к истории Февральской революции. Появилось большое количество статей и книг, в которых идет речь о том, что в России якобы была лишь одна истинная революция, совершившаяся в феврале 1917 г.; это была революция демократическая, а все последующее развитие будто бы представляло отход, отступление от ее демократических основ.

Одно из центральных мест в буржуазной историографии занимает вопрос о роли В. И. Ленина и ленинизма в подготовке и свершении Октябрьской революции. Если в 20—30-х годах западные историки вообще отрицали какие-либо прогрессивные, положительные моменты в роли ленинизма и вождя нашей революции в ее развитии, то сейчас освещение вопроса изменилось. Как уже упоминалось выше, великую роль В. И. Ленина в развитии революции и всей современной истории почти никто из буржуазных авторов не отрицает. Но появилась точка зрения, утверждающая, что ленинизм — это не марксизм, что ленинизм — это полный разрыв с марксизмом. В упомянутой уже статье Улама содержится попытка доказать, что Россия якобы представляет классический случай расхождения «старого» и «нового» марксизма. «Рабочий контроль над производством был анархо-синдикализмом и не имел ничего общего с марксизмом», — пишет Улам. «Утверждать, что революция сама по себе и диктатура пролетариата есть высшая цель социализма, — это не марксизм, — заявляет он далее, — потому что для Маркса главным была не диктатура пролетариата, а общее улучшение положения рабочих»¹⁰. По мнению Улама, вся история русской революции означает не подтверждение всеобщей истины марксизма, а своеобразный отход от «старого» марксизма, и, следовательно, опыт русской революции необязателен для других стран. Английский историк Э. Карр в отличие от Улама считает, что ленинизм — это не разрыв с марксизмом, а одна из его ветвей. Карр пытается разорвать марксизм на два направления — одно демократическое, умеренное, которое якобы представляли меньшевики, и второе — крайнее, экстремистское, которое развивали большевики. По мнению Карра, в марксизме существуют момент эволюционный, или научный и объективный (его развивали меньшевики), и момент революционный, пропагандистский, или субъективный (его развивали большевики)¹¹. Как видим, существо концепции остается тем же — это попытка противопоставить ленинизм марксизму и доказать, что все происходящие сегодня в мире события и опыт Октябрьской революции представляют собой не торжество марксистско-ленинских идей, а отступление от марксизма.

Есть еще целый ряд проблем истории Великой Октябрьской социалистической революции, по которым буржуазная историография меняет приемы и методы аргументации по сравнению с 20—30-ми годами. Возьмем один частный вопрос: Германия и русская революция. Как известно, в 20-е годы с благословения Государственного департамента США была пущена в ход клеветническая версия Сиссона, будто русская революция была сделана на немецкие деньги. Эта версия оказалась главным звеном во всех концепциях, разрабатываемых в буржуазной литературе того времени. Но сегодня мало кто из исследователей берется открыто пропагандировать эту ложь. Известно, что в

¹⁰ Ibid., pp. 9, 10.

¹¹ См. H. Carr. The Bolshevik Revolution. Vol. I, pp. 37, 40.

1954 г. Д. Кеннан опубликовал специальную статью, в которой ставил под сомнение подлинность сиссоновских документов¹². Не так давно вышла книга Земана «Германия и революция в России», в которой делается попытка более завуалированно провести ту же клевету. Буржуазные историки утверждают, что будто бы германская пропаганда сыграла решающую роль в революции в России¹³. При этом делается ссылка на тех деятелей Германии, которые якобы были связаны с лидерами большевистской партии. Таким образом, налицо попытка некоторой модификации проблемы, но без изменения основной позиции и основных концепций.

Есть еще один вопрос, который имеет большое научное и политическое значение в настоящее время и привлекает внимание буржуазных историков. Это вопрос о соотношении национального и интернационального в нашей революции. Ведущая линия буржуазной историографии ныне заключается в утверждении того, что революция в России — национальный эксперимент, который имел основы на специфически русской почве. Если этот национальный эксперимент и дал выгоды России, то он будто бы не имеет ничего общего с развитием событий в других странах. Он к ним неприменим. В этой связи обычно приводятся многочисленные ссылки и рассуждения об отсталости России накануне революции, ее отличиях от передовых стран Запада. Но у этой проблемы есть и другая сторона. Известны споры, которые происходили в нашей партии, в нашей стране в конце 1917 — начале 1918 г. о соотношении национальных и интернациональных задач социалистической революции. Сейчас ведущая линия буржуазных историков в этом вопросе состоит в попытках доказать, что в результате споров большевики и В. И. Ленин якобы отдали предпочтение национальным интересам в ущерб делу мировой революции. При этом имеются в виду прежде всего переговоры с Германией в конце 1917 — начале 1918 г., подписание договора с Германией и поражение революции в Германии.

Известно, что в результате дебатов в партии, в итоге споров с «левыми» коммунистами, В. И. Лениным был найден тот синтез национального и интернационального, который позволил спасти страну в конце 1917—1918 г. и заложить основу для будущей политики. В. И. Ленин блистательно разработал теоретически и показал на практике, что и национальные и интернациональные интересы Октябрьской революции служат делу защиты и помощи международному рабочему классу, мировому революционному процессу.

Можно было бы привести еще целый ряд фактов, целый ряд моментов, показывающих изменение взглядов буржуазной историографии и по другим вопросам. Но не будем умножать их перечисление, поскольку оно не меняет наших выводов. Подведем итоги. Во-первых, следует отметить, что рассмотрение общих проблем буржуазной историографии показывает, что за прошедшие 50 лет довольно существенно изменились ее формы и методы. Изменились не только и не просто методы, а изменилась вся общая линия аргументации. Мы охарактеризовали бы это как усложнение, отход от примитивизма. Ответ на политические запросы дня буржуазная историография дает сегодня не в простой однозначной форме, а опосредствованно, косвенными путями, во внешне наукообразной форме. Усложнение приемов привело к большому расхождению во взглядах. Примитивизм буржуазной историографии 20—30-х годов порождал большее ее единство и тем облегчал нашу борьбу, полемику с ней. Усложнение приемов и аргументации приводит к появлению различных оттенков, различных точек зрения, что, с одной стороны, делает

¹² См. J. Kennan. The Sisson Documents. «The Journal of Modern History», 1956, № 2, pp. 130—150.

¹³ См., например, «The Russian Review», 1967, № I, p. 4.

буржуазную историографию наступающей более широким фронтом, а с другой стороны, ставит перед советскими историками новые задачи в борьбе с ее ложными концепциями.

Причины эволюции буржуазной историографии — торжество идей Октябрьской революции, идей социализма. Как это ни парадоксально звучит для буржуазных историков, но в большей наукообразности форм и аргументации проявляется кризис буржуазной науки, которая оказалась неспособной методами 20—30-х годов повлиять на развитие событий в мире. Здесь нельзя не сказать и о том большом воздействии, которое оказывает на буржуазных авторов развитие советской историографии. У нас, например, в последнее время вышло много книг по вопросам экономического положения России в период империализма. Запад откликнулся на это многочисленными рецензиями (например, на книги советского историка П. В. Волобуева и других, посвященные экономическим вопросам политики Временного правительства). Работы советских ученых и фактической стороной и своей концепцией заставляют буржуазных авторов отходить от тех позиций, которые они занимали раньше, заставляют их менять точку зрения.

Разумеется, этот процесс не прост. Примитивный подход оказался живучим. Снова мы видим подвизающимися в числе авторов эмигрантов типа Керенского и других. Опять налицо оголтелые работы в худших традициях антикоммунизма. Это означает, что и в среде буржуазных историков соседствуют, как и в политике, оголтелые приемы и более гибкие методы. Есть доктрина «наведения мостов» и есть идеи возмездия и устрашения, направленные на то, чтобы наносить удары по Советскому Союзу и странам социалистического лагеря. Известны историки типа Карра и Кеннана и откровенные фальсификаторы типа Мурхеда, Шапира и других.

Изменились формы и методы буржуазного объективизма. Раньше он был проще, однозначнее, примитивнее. Он игнорировал причинные связи, он брал явление как таковое. Сейчас отдельные авторы анализируют и причинные связи явлений революции. Объективизм в современных условиях состоит в игнорировании коренных связей, в игнорировании целостности явлений революции, системы, совокупности связей.

Наша задача сегодня — изучать концепции и направления буржуазной историографии в целом, систему аргументации, методов и приемов, присущую как откровенным историкам-антикоммунистам, так и объективистам. Все рассмотренные нами процессы — это показатель торжества марксистской исторической науки, показатель кризиса буржуазной историографии, которая ищет новые методы, новые пути для того, чтобы отвратить массы от идей Великой Октябрьской социалистической революции. Но как это ей не удалось сделать в 20-е, 30-е и 40-е годы при помощи старых, примитивных методов, так не удастся это сделать и с помощью современных ухищрений.